

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ
СТРАСТИ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Полянская, Алла.

П54 Невозможность страсти : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-81717-7

Лена захала домой во время обеденного перерыва и стала хрестоматийную картину: муж в спальне с лучшей подругой. В тот момент Лена поняла: они с Сергеем давно стали чужими и это отличный повод поставить точку в их несчастливом браке... Но неожиданно мысли о неудавшейся личной жизни вытеснили другие события — парень в дорогой одежде, которого они с подругой Ровеной подобрали на городском пляже. Незнакомец явно попал в беду и ничего о себе не помнил... Личность его удалось установить быстро, а вот вопрос, кто его похитил и зачем стерли память, оставался открытым. Но не это беспокоило Лену, а то, что Ровена, ее непробиваемая и никогда не унывающая подруга, явно проявляет к подозрительному незнакомцу повышенное внимание. Подруги еще не знали, что им придется пережить по вине странного парня, найденного ими на пляже...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81717-7

Copyright © PR-Prime Company, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

1

Кирпичная стена расплывается перед глазами, но её нужно удерживать. С той стороны осталось всё, что составляло его жизнь, а здесь, за стеной, — только он сам. Голос что-то говорит ему, о чём-то спрашивает, и это длится очень долго, но ему всё равно: за стеной голос почти не слышен, зато он видит вращение планеты. Ему надо обязательно рассмотреть, как вращается полюс под его ногами, но полюс остался позади, и он летит, летит в пустоту, Солнце ослепляет его, и глазам больно.

Стена расплывается перед глазами, он напрягает руки, боль — хорошая штука, она значит, что ты жив. Он любит эту боль, потому что она возвращает его туда, где он был. Вот стена, вот кирпичи, их можно считать. А голос грохочет в голове, сбивая его со счёта, но он не слушает — он не должен слышать, в голове гремит рояль, а потом вдруг зазвучал орган, и он замер, спрятавшись в эти звуки.

— Без толку.

Этот голос не гремит. Он звучит совсем рядом, обычный, ничего гремящего.

— Что значит — без толку?! Дай ему ещё дозу!

— Он просто воткнёт, и всё. — Голос звучит на-смешливо. — Я могу задавать ему вопросы обычным порядком. Мы же не собираемся его отпустить?

— Конечно, нет. Но обычный допрос может не дать результатов.

— Ну, мы уже попробовали по-твоему — теперь сделаем по-моему.

— Сейчас?

— Сейчас, даже если ему голову отрежу, он не поймёт ничего. — Голос хихикнул. — Нет. Я просто кое-что уколою ему и отправлю спать. Отходняк усилит действие допроса.

— Когда?

— Не раньше чем завтра.

Второй голос грязно выругался, послышались шаги, лязгнула дверь.

— Ну, видишь, дружок, всё вышло как я хотел. — Голос звучит монотонно, из него ушли эмоции. — Кто бы мог подумать... ну да ладно, это даже к лучшему. Всегда надо совершенствоваться, а ты отличный объект для этого.

Укол почти не ощутим, но тело, настроенное как антенна, воспринимает его. Удержаться, удержаться на краю полюса, не лететь во тьму! Если бы не солнце, слепящее глаза...

— Полежи здесь, мы ведь никуда не торопимся.

Его тело ощущает металлическую сетку — она холодная, и это приятно. Хочется нырнуть во тьму, закружиться в хороводе планет, забыть то, что делало его тем, кем он был. Тьма зовёт его, она мягкая и качает его как на волнах. Он снова напрягает руки — боль, пробивающаяся сквозь вязкую тьму, возвращает его туда, где он может ощущать.

Он попытался открыть глаза. Предметы слились в какой-то безумный хоровод, и понять, что его окружает, невозможно. Дёрнув рукой, он понял, что прикован — сознание, норовящее ускользнуть, такое неустойчивое, словно вода в переполненном ведре, нужно нести и не расплескать и удержаться, удержаться...

Лязгнула дверь, кто-то дотронулся до его запястья, резкая боль, которой он возвращал себя в собственное тело, сменилась саднящей, далёкой, а тьме только этого и надо...

— Поднимайся же!

Голос тихий, совсем рядом, и запах тонких духов.

— Поднимайся, я не смогу тебя тащить!

Прикосновение ткани к телу. Плотная ткань. Рывком поднявшись, он чувствует, как ткань обволакивает его, отгораживая от всего, что снаружи. Он внутри этого кокона, голова совсем тяжёлая, тьма зовёт его и кружит.

— Идём же, идём!

Ступеньки, резкая боль в ступне. Он открывает глаза — серые стены, металлическая лестница, металлическая дверь. Тонкая загорелая рука, толкающая дверь, короткие чёрные волосы, длинная шея, изящный нос с небольшой горбинкой. Тьма отступила.

— Ты кто? — спрашивает он.

— Какая разница?

Тонкие духи, шёлковый топ, хрупкие плечи, тёмные глаза, горящие на смуглом лице.

— Я выведу тебя, беги. Тут берег, спрячешься в зарослях, слышишь меня?

Боль в ступне такая сильная, что тьма отступает и приходит страх. Стены смыкаются вокруг них, и аромат тонких духов кажется запахом умирающих цве-

тов. Мир сворачивается, и становится видна только одна точка — та, что под ногами.

— Иди, слышишь? Иди же! Убегай!

Она толкает его в песок, он расплавленным свинцом вливается в раненую ногу, и мир расширяется. Боль — это твой друг, боль означает, что ты ещё жив.

* * *

Лето превратило жизнь города в ад, полный горячих маршруток, похожих на печи крематория, раскалённого асфальта и мусорных баков, заваленных пластиковыми ёмкостями для воды и прочих напитков.

И только в офисе прохладно, солнечные лучи, пробиваясь сквозь стёкла, теряют свойства обжигать — кондиционеры работают на всю мощность, давая возможность людям нормально дышать и работать. Офисное здание из стекла и бетона, самое современное, самое новое, — гордость застройщика и украшение проспекта, который как главная артерия проходит сквозь самое сердце города.

Лена проверила почту и углубилась в чтение документов. Их фирма, объединяющая в себе несколько популярных интернет-магазинов, всегда работает как часы — слаженно, без сбоев и штурмовщины, а ссор и дрызг и вовсе не бывает. Лена всегда была непреклонна и жёстко наказывала всякого, кто нарушал это правило. Не можете решить проблему самостоятельно — для этого есть она, пожалуйста в кабинет, будем разбираться. Ах, проблема не связана с работой? Тогда нечего тащить её в офис.

Вошла помощница.

— Елена Юрьевна, к вам адвокат, некий господин Васильев.

Лена недоверчиво взглянула в расписание — всё правильно, никакого господина Васильева там не во-дилось, иначе она бы запомнила.

— Тамара, зайди и закрой дверь.

Помощница поёжилась под её взглядом — конечно же, она знала, что Лена терпеть не может никаких незапланированных визитёров и встреч, тема кото-рых ей неизвестна.

— Кто такой?

— Елена Юрьевна, я не знаю. — Тамара нервно сглотнула, уставившись на неё круглыми испуганны-ми глазами. — Он сказал, что вопрос касается вашей семьи. Вот его визитка, Васильев Олег Владимиро-вич, адвокат.

— Вот как? — Лена досадливо поморщилась. — По-дожди.

Она нашла номер матери и набрала его.

— Лена, я в парикмахерской, говорить не могу, — ответила та.

Ну, конечно же, по-другому и не было никогда. Дочь ей всегда мешала, как и все остальные, впрочем. Иногда Лена думала о том, что мать, возможно, была бы совершенно счастлива на месте Робинзона Крузо, который провёл на необитаемом острове двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней. Пожа-луй, окажись там парикмахерская и доступные мо-ющие средства, мать не отказалась бы остаться там навсегда. Никто не раздражал бы её... Может, только попугаи, дикие козы, мотыльки, песок, деревья, море, воздух, облака и бог весть что ещё. И о том, что мать всё-таки не оказалась на этом острове, Лена иногда

сожалела. Но не сейчас. Пропустив мимо ушей её фразу, она спросила:

— Ты знакома с неким господином Васильевым, адвокатом?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Этот человек пришёл ко мне на работу и сказал, что у него ко мне дело и оно касается моей семьи. Я подумала, что ты можешь знать, о чём речь.

— Я понятия не имею. — Мать умолкла, и некоторое время Лена ждала, надеясь, что ей надоест разговор и она просто отключит телефон. — Послушай, Елена, не встречайся с теми, кого не знаешь. Может, это мошенник какой-нибудь и...

— Всё, мама, пока.

— Елена!..

Но Лена уже отключила трубку.

Она не может долго разговаривать с матерью — просто не может, и всё. Так было не всегда, но иногда Лена думает, что всё-таки всегда, потому что когда мать рядом, они всё равно практически не разговаривают. Как так получилось, Лена не знает, но теперь этого уже не исправить, а потому она старалась свести общение к самому необходимому минимуму. Чтобы не позволить матери задавать вопросы и вести себя так, как привыкла, и чтобы самой не сорваться.

— Зови его.

Тамара едва не вприпрыжку бросилась из кабинета, и Лена ухмыльнулась. Прежняя помощница удержалась недолго именно потому, что не смогла усвоить одно простое правило: делать только то, что велено, и только так, как велено. Тамара пока справлялась, но сегодня оказалась очень близка к опасной черте и сама это понимала. Ну, что ж, впредь наука.

Человек, вошедший в кабинет, оказался сморчком неопределённого возраста в дурно сидящем летнем костюме. Костюм был средней руки, как и туфли, и портфель, как, впрочем, и сам господин Васильев. Лена кивнула на стул для посетителей.

— Присаживайтесь. У меня есть пять минут, слушаю вас.

Такой тон она выработала очень давно, он отпугивал попрошайек и желающих половить рыбку в мутной воде.

— Думаю, это займёт несколько больше времени. — Голос у Васильева оказался вполне ожидаемым — такой же бесцветный, слегка надтреснутый, он звучал словно из недр костюма, лицо говорящего оставалось неподвижным. — Я здесь по поручению вашей сестры.

— Вот видите, мы уже всё выяснили. — Лена в упор посмотрела на адвоката. — У меня нет и никогда не было ни сестры, ни брата, я единственный ребёнок в семье. И я понятия не имею, кто и зачем направил вас сюда, так что, думаю, наша встреча окончена.

— А разве Варвара Леонидовна Тимофеева — не ваша сестра?

На минуту Лена опешила, но, взяв себя в руки, ответила:

— Впервые слышу о такой.

— Эта женщина лежит в больнице, и, скорее всего, жить ей осталось совсем недолго. И потому она просила меня разыскать вас, и...

— Я вам ещё раз повторяю: я не знаю, о ком вы говорите.

Как она посмела! Как посмела дрянь, разрушившая жизнь их семьи, прислать к ней этого скользкого типа! Права была её лучшая подруга Ровена, ког-

да говорила, что жизнь за всякое зло, незаслуженно причинённое ближнему, оплатит так, что любая человеческая месть покажется детской игрой.

— Но как же так... — Васильев достал из портфеля папку. — Вот же, у меня всё записано. Ваш отец, Юрий Иванович Тимофеев, и Леонид Иванович Тимофеев — родные братья. А Варвара Леонидовна приходится вам двоюродной сестрой.

— Боюсь, у вас неверная информация. — Лена встала, давая понять, что встреча окончена. — Юрий Иванович Тимофеев, мой отец, и Леонид Иванович Тимофеев, указанный в ваших документах, — никакие не братья. Просто однофамильцы. И у меня, безусловно, нет никакой сестры, ваша клиентка обманула вас. Я была бы вам очень признательна, если бы вы впредь не беспокоили меня такими глупостями.

Лена с наслаждением наблюдала, как сморчок собирает свои бумаги. Что ж, узнать, что стряслось с Варварой, она, конечно, может. Просто не станет. Какая разница, что произошло с той, кто стал причиной многих несчастий её семьи, её первого настоящего горя и навсегда рухнувшего мира, который в момент оказался ложью.

— Дело в том, что сейчас Варвара Леонидовна...

— Я же вам сказала — понятия не имею, кто это такая. Если у вас всё, то я вынуждена попросить вас уйти, у меня очень много работы.

Адвокат вышел, унося свой портфель, а Лена подошла к окну и взглянула вниз. По проспекту снуют машины, ряд каштанов, высаженных вдоль улиц, выглядит заманчиво, но Лена знает: как только она выйдет из здания, жара схватит её и сожмёт в раскалённых тисках. Нет уж, увольте. Да и идти, собственно, некуда и незачем — работы полно.

Лена вернулась за стол, решив выбросить из головы визит адвоката. Она умела отсекал ненужные мысли, сосредоточившись на чём-то другом, вот и сейчас просто углубилась в отчёт и перестала думать о неприятном визитёре.

Зазвонил телефон, и Лена, узнав звонившую, взяла трубку.

— Привет, Ленусик.

Татьяна, тоже лучшая подруга, с которой дружба сложилась ещё в институте — обе грызли гранит науки на факультете прикладной математики. В отличие от Лены, которая ушла в бизнес, закончив дополнительно бизнес-школу в Москве, Татьяна преподавала математику в металлургическом техникуме. Но они сохранили дружеские отношения, и Лена очень жалеяла о том, что Ровена терпеть не может Татьяну, дав ей кличку Холостая Пуля. У Ровены всегда была привычка придумывать людям прозвища, которые прикипали к ним намертво, словно она видела саму суть человека, извлекая её и облекая в слова. Например, её бабушку, Людмилу Макаровну, Ровена с детства называла Салтычиха — на что та очень обижалась, но так вышло, что прозвище это осталось с ней и после смерти. Вот и к Татьяне обидная кличка тоже прилипла, за что та Ровену просто возненавидела, но это делу не помогло.

— Здравствуй, Тань.

— Ты как сегодня, занята? А то увиделись бы.

— Вечером буду, часам к семи, не раньше. А может, к восьми, у меня машина в ремонте, я на такси сегодня. Давай завтра, я тебе перезвоню.

— Ладно, давай завтра. — Татьяна засмеялась. — Занятая ты наша. Как твои дела?

— Как обычно. Работа-работа...

— С Серёжкой так и живёте в непонятках?

— Ой, Тань, какие непонятки. Всё предельно ясно: он живёт как считает нужным, а я ему в этом не мешаю. Мне вообще некогда вникать во что-то, кроме работы. Всё, оставим этот разговор. Я тебе завтра перезвоню, когда машину из сервиса заберу, съездим куда-нибудь пообедать.

— Не забудешь?

— Как я могу забыть? Не забуду, конечно. Разве что поменяется что-то, но тогда я тебе обязательно перезвоню.

— Ладно, не буду мешать, до завтра. Удачного дня.

Лена никогда не понимала, отчего Ровена так не любит Татьяну. Её тяготило, что две самые близкие её подруги не ладят и встречаться с ними приходится в разное время. Но с Ровеной было куда как проще... и сложнее одновременно, потому что характер у неё очень колючий. А Татьяна была комфортной — всегда принимала сторону Лены, объясняя это тем, что раз уж дружба, то надо и недостатки принимать. А Ровена недостатков не терпела, и иной раз Лена выслушивала от неё не очень приятные вещи и обижалась про себя — но проходило время, и снова ей звонила. Без Ровены её жизнь теряла остроту.

В детстве, когда их семьи жили в старом дворе, окружённом кирпичными домами, они познакомились на карусели. Им было по шесть лет, стояло такое же лето, возле подъезда пятого дома разгружали мебель, а загорелая девочка в розовом платье, с розовым бантом в длинных белокурых локонах, каталась на карусели, отталкиваясь ногами, обутыми в белые сандалии, в белых же идеальных гольфиках, что было невероятно среди летней пыли. Она была

похожа на куклу наследника Тутти, такая же аккуратная и одетая словно на праздник.

Лена зачарованно смотрела на это неземное создание с большими голубыми глазами и маленьким милым носиком, а девочка повернула к ней голову и капризным кукольным голосом спросила:

— Ты тоже хочешь покататься?

Конечно, она хотела. А ещё больше она хотела познакомиться с этой девочкой в таком чистом платье и белоснежных гольфах. И её бабушка Люся, будущая Салтычиха, сказала:

— Посмотри, какая хорошая девочка!

Лена посмотрела. Потом они вместе катались на карусели, и оказалось, что девочку зовут тоже необычно — Ровена, папа у неё художник, а мама — учительница в музыкальной школе. Бабушка восхищённо вздыхала, расспрашивая, откуда они переехали в их двор, и оказалось, что они из Ленинграда, тамошний климат был вреден Ровене.

Как же ошибалась бабушка Салтычиха, когда восхищалась аккуратным платьицем необыкновенной девочки и её белоснежными гольфиками, к которым, похоже, не липла грязь. Как и все остальные ошибались, видя широко распахнутые голубые глазки и золотистые локоны с бантом. И только отец Лены, окрестивший подружку дочери «Чертёнок с пушистым хвостом» — по одноименному мульту, — понимал её сущность, как понимал всё на свете. Пока в какой-то момент это понимание не привело его к тому, что их мир рухнул. И тогда именно Ровена смогла удержать в своих ладонях обломки и соединить их для Лены в некое подобие жизни.

«Надо бы позвонить и встретиться. — Лена вздохнула. — Давно не виделись...»